

Как печально.

Я смотрю на этого человека, мудрого и почитаемого своим народом, презираемого и боящегося своих врагов, и все оказывают ему уважение, вольно или невольно. По его слову рассеивались армии, генералы исчезали в разгар битвы, короли были убиты в своих постелях. Всякий раз, когда кто-то, будь то крестоносец или солдат халифата, видел тень, мелькнувшую в углу дальних замков или крепостей, он не мог уснуть в эту ночь.

А сейчас? Его кожа покрылась морщинами. Его седая борода достигла груди. Несмотря на мускулистое телосложение, он опирается на деревянную палку. Его глаза, выглядывающие из-под капюшона, стали усталыми от возраста. Но можно было не сомневаться, что это тот же самый человек.

Не ошибитесь: жалость - это не то, что я чувствую. Совсем наоборот. Возможно, меня печалит вид того, что время делает со всеми?

В куполообразной комнате раздается стук. Старик даже не дергается. Вместо этого он отвечает знакомым глубоким голосом.

— Дахал.

В комнату входит более молодой человек в серой одежде, похожей на халат, и таком же капюшоне.

— Мавла, хум джахизун лак, — говорит он, кланяясь старцу.

Старик поднимается с кресла и выходит из комнаты, а молодой человек идет перед ним. Они спускаются по лестницам и проходят через залы, высеченные из древнего камня. Окна в стиле мечети и ветровые отверстия освещают их в сумерках, а по залам гуляет легкий горный ветерок. Вдалеке слышны голоса людей.

Они уходят в глубины замка, и солнечный свет больше не освещает им путь. Только факелы отбрасывают жуткие тени на стены. Вскоре старец и юноша подходят к большой деревянной двери, на которой вырезаны молитвенные надписи.

Я больше не могу отрицать этого. Я чувствую, как время подтачивает мое тело. Скоро Аллах призовет меня в свои ряды, и мой народ, который я отдал все свое существо, чтобы защитить от стервятников, облепивших этот край, останется беззащитным, созревшим для захвата. Я должен был сделать так, чтобы этого не случилось. Чтобы мое наследие и дальше удерживало врагов от завоеваний.

Ответ на мою дилемму был очень прост.

Сильным толчком двери распахнулись, открывая просторную полую камеру. Тусклые свечи окольцовывали стены, тени мерцали на холодном каменном полу. В углах и на ободах стояли стеллажи, на которых хранилось всевозможное оружие. Книги, свитки и другие предметы заполняли деревянные полки и накрытые столы. Перед ними стояла дюжина молодых мужчин и женщин, разного роста и цвета кожи, в капюшонах и темных одеждах. По бокам у них были пристегнуты ножи, а некоторые держали мечи и дубинки. Один даже держал пару круглых дисков. Это были воины, без сомнения.

Но белые маски на их лицах выдавали их истинную сущность.

Молодой человек отошел в сторону, и вперед вышел старейшина. Он встал перед юношами, и они молча поклонились ему как один.

Его глаза окинули собравшуюся перед ними группу, и в его выражении не было ни капли эмоций. Он поднял трость и постучал ею по полу, звук эхом разнесся по всему залу. Молодые люди в масках тут же отвернулись от старика и отпрыгнули назад так, что каждый из них оказался лицом к лицу с другим, причем каждый из них находился на противоположных сторонах зала.

Ученики.

— Бада.

Увиденное поразило меня. Юноши бросились друг на друга, ни капли колебаний в их движениях. Звуки скрежещущих клинков и лязгающей стали заполняют мои уши. Их скорость необычайна, движения плавны, как вода. Я вижу, как один из них уворачивается от клещевой атаки двух нападающих, подпрыгивая над ними и делая сальто в воздухе, используя такой уровень ловкости, о котором я и мечтать не могу. Наблюдая за боем, я заметил кое-что: двигаясь, они мерцают. Но дело не в их скорости. Нет, это то, что я должен был распознать сразу.

Сокрытие. Быстрое сокрытие. Мгновениями мелькают в тени и выходят из нее.

Как у Мухаммеда были свои ученики, так и у меня. Взятые из трущоб и разграбленных

деревень и получившие новый шанс на жизнь, шанс защитить тех, кто о них заботился... или шанс отомстить тем, кто бездумно уничтожил все, что у них было. Многие приняли предложение. Некоторые предпочли воздержаться, довольствуясь тем, что живут в близлежащих деревнях и находят свой собственный путь в жизни. Но эти... эти были теми, кто обеспечил бы продолжение моей работы.

Одного из юношей ударяют сзади, и он падает. Он пытается встать, но тело предает его, и он лежит, поверженный.

Обученный древним искусствам убийства, практикуемым с рассвета цивилизации и отточенным моими учениями.

На другого обрушивается шквал ударов в грудь, и он тоже падает.

Они стали моими палачами, добравшимися до каждого уголка этой истерзанной войной земли.

С криком та, что с дисками, обрушивает их на шею своего противника, а затем получает удар дубиной по голове.

Ни один король или военачальник не мог уберечься от них, ни один генерал не мог выработать стратегию против них. Ибо как можно предусмотреть шепот ветра, проникающий в палатку?

Падают еще. Осталась лишь половина.

В отличие от невежественных крестоносцев, которые позволяли получать образование только своим лордам и высокородным, мои ученики были обучены всем видам знаний, будь то Коран или науки, от элементарных до... эзотерических.

Юноша мелькает так быстро, что кажется, будто его двое. Он хватает головы двух других и разбивает их друг о друга, а затем стремительно рубит их по шее для пущей убедительности. Оставшиеся трое приостанавливаются и быстро поворачиваются к новой угрозе, но уже слишком поздно. Словно свернувшаяся гадюка, юноша бросается вперед и выхватывает нож, исчезая и появляясь с той же скоростью, что и раньше, создавая новые послеобразы. Двое падают после ударов по ногам и шее. Последний из них отклоняется назад, уклоняясь от ножа на волосок, но юноша поворачивается на носке и наносит завершающий удар.

Одиннадцать тел лежат перед старейшиной и слабо стонут. В тусклом свете факелов я различаю следы крови на полу. Последний ученик, однако, не без повреждений. Его грудь вздымается от тяжелого дыхания, и я не удивлюсь, если у него где-то течет кровь.

Старец показывает пальцем, и юноша делает шаг вперед. Он постукивает тростью, и юноша снимает маску. Под ней скрывается лицо молодого парня с загорелой кожей и темными волосами. Его зеленые глаза решительно смотрят на старейшину, но в них есть что-то еще. Что-то, что я редко вижу в зеркале.

После пристального взгляда старец кивает. Он поднимает руку и кладет ее на голову юноши. Он начинает что-то напевать, но слова... искажаются. Ломаются.

А те, кто проявил талант, превосходящий талант их собратьев по фид'ай? К ним я применил наблюдение, которое сделал давным-давно, в золотых дворах Кахира. Великие люди боятся великих вещей. Огромных армий, стихий и имен. Полководец, произносящий имя, будь то имя Аллаха или его сеньора, внушает противнику осторожность, а то и откровенный страх. При правильном использовании имя может нести в себе большую силу, чем любая армия или шторм. Разве не Аллах создал мир, дав имена всему творению?

Завоеватели и полководцы дрожали от страха при звуке моего имени. Я позабочусь о том, чтобы они продолжали это делать.

Чтобы моя работа пережила меня... Хасан-ибн-Саббах пережил меня.

<http://tl.rulate.ru/book/100266/3501941>